Виктор Левашов

ЧМО

Виктор Левашов
ЧМО

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158487

Аннотация

ОТ АВТОРА. В основу сюжета этой пьесы положены события, которые в свое время стали шоком для заполярного Норильска. Пьеса была написана в 1988 году и тогда же поставлена на сцене Норильского драматического театра им. Маяковского. У меня было искушение перенести ее действие в наши дни, так как то, что случилось без малого двадцать лет назад, сегодня стало едва ли не повседневностью. Но я не стал этого делать. Пусть будет все, как было. Ибо то, что происходит сегодня, не сегодня началось. Нет, не сегодня.

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА 5
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ 7
I 7
II 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Виктор Левашов
ЧМО

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие…»
СОКРАТ, V век до н.э.

«Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна…»
ГЕСИОД, VII век до н.э.

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру…»
ДРЕВНИЙ ВАВИЛОН, III век до н.э.

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира не очень далек…»
ЕГИПЕТСКИЙ ЖРЕЦ, II век до н.э.

«Дети похожи на свое время, а не на своих родителей…»
Н.ДУБОВ, советский писатель, XX век н.э.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Подростки:

АНДРЕЙ Д. (Демидов) – учащийся техникума, 17 лет
Его однокурсники:
СЕРГЕЙ Н. (Новацкий)
СЕРГЕЙ К. (Конов)
АЛЕКСЕЙ Ч. (Чеботарев)
АНДРЕЙ Ш. (Шарапов)
ПУНЯ
ЖЕРДЕВ
БРОНИН
ВЕРА
НАТАША

Взрослые:

ТАМАРА ВИКТОРОВНА – директор техникума

ХАЛЯВИН – начальник лагеря

СТАРШИНОВ – преподаватель

И еще один персонаж, мужчина средних лет, которого можно бы обозначить как «Я», «ВЫ» или «ОН». Назовем его – АРБИТР.

Прошлым летом в городе Н.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

I

Режущий свет. Грохот хэви-металла. Слепящие алые, синие, желтые вспышки. И бесполый альтино, выпевающий белиберду:

Мы будем вечно вместе,
Только если расстанемся навсегда!
Скажи мне «Да»!
Скажи мне «Да»!
Скажи мне «Да»!
Скажи мне «Да»!

И так раз двадцать. Или тридцать. Полный кайф.

Иными словами: в техникуме города Н. дисктотекадискотека. Может быть, вполне реальная, в связи с окончанием учебного года (для участников этой истории – третьего курса). А скорее дискотека воображаемая, дискотека как форма существования, главная из трех ипостасей бытия: Школа, Дискотека, Спортзал, где Школа символизирует учебу как нечто обязательное, а Спортзал олицетворяет честолюбивые духовные устремления.

И помещение под стать: боксерский мешок с песком и другие снаряды рядом с раскладушками, на которых спали при выездах на картошку (или, как в этом случае, на морковку), свободное пространство в центре зала – ринг или площадка для танцев. На авансцене слева и справа, – низкие скамейки для запасных игроков.

Когда музыка наконец поиссякнет и успокоится взбесивший свет, станет видно, что на левой скамейке – четверо молодых людей, сидящих лицом к залу: СЕРГЕЙ Н., СЕРГЕЙ К., АЛЕКСЕЙ Ч., АНДРЕЙ Ш. На правой – один: АНДРЕЙ Д. Им, как и всем участникам дискотеки, лет по 17 – 18, они так же дорого и современно одеты. Но между ними будто стена. Так оно и есть. Потому что для всех сейчас бал. А для этих четверых – суд.

Появляется АРБИТР. В руках у него тонкая картонная папка.

АРБИТР. Шесть месяцев назад городской суд рассмотрел дело по обвинению четверых учащихся техникума в преступлении, предусмотренном статьей 206-й, часть вторая Уголовного кодекса

РСФСР: злостное хулиганство… Обвиняемые: Сергей Н. …пусть будет Новацкий, настоящие фамилии сейчас уже не имеют значения…

Новацкий встает.

Сергей К. …Конов…

Конов встает.

Алексей Ч. …Чеботарев…

Чеботарев встает.

Андрей Ш. …Шарапов…

Шарапов встает.

АРБИТР. Все четверо третьекурсники, на учете в инспекции по делам несовершеннолетних не состояли, приводов в милицию не имели, проживают с родителями…

Появляются директор техникума ТАМАРА ВИКТОРОВНА, преподаватели ХАЛЯВИН и СТАРШИНОВ, усаживаются в сторонке.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Какая все-таки неприятность! И так не вовремя!

ХАЛЯВИН. Дел-то! Ну, подрались парни. Если бы, не дай Бог, убили кого или покалечили…

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. С вами мы потом разберемся. (Старшинову.) Меня другое тревожит. Говорят, они там создали чуть ли не профашистскую организацию! По-моему, ерунда. У нас? С чего вдруг? Как вы считаете?

СТАРШИНОВ. Неприятности всегда не вовремя. Если они вовремя, то это уже не неприятности, а плановые мероприятия вроде ремонта…

АРБИТР. «В ходе судебного заседания было установлено следующее… 11-го сентября прошлого года, в период пребывания учащихся на уборке моркови в совхозе «Таежный», около полуночи обвиняемые Новацкий и Конов вошли в том, где жили учащиеся этой группы, и потребовали у Андрея Д.

…Демидова…

Андрей встает.

…чтобы он назвал себя унизительным словом «чмо»… Что такое «чмо»?

АНДРЕЙ. Ничтожество. В этом роде.

НОВАЦКИЙ. Человек, мешающий обществу.

АРБИТР. «Услышав отказ, Новацкий ударил Демидова кулаком по лицу, а затем вместе с Коновым избил Демидова…»

На свободное пространство откуда-то выкатился баскетбольный мяч. К нему потянулась, пнули, перекинулись быстрыми пасами, заехали кому-то по голове. Тот завопил: «Кончайте!»

ХАЛЯВИН. Серьезней, товарищи! Пуня, дай сюда мяч!

ПУНЯ. Игорь Иванович, все – аут! (Садится на мяч.)

АРБИТР. «Через неделю после этого случая, 18-го сентября, под предлогом выяснения обстоятельств пропажи у Конова рабочих рукавиц, Демидов был вызван на заседание так называемого «штаба», незадолго до этого созданного по инициативе Новацкого и Конова, и вновь подвергнут избиению…»

Вид Пуни, восседающего на мяче, был совершенно непереносим для любого нормального человека. Так и зудело вышибить из-под него мяч. Что и было сделано. Пуня грохнулся на пол и возмущенно вскочил.

ПУНЯ. Безобразие! Взрослые люди! Без пяти минут ру-

ководители производства! Каким же авторитетом вы будете пользоваться у подчиненных, если до сих не пор не научились себя вести! Речь идет о судьбе ваших товарищей, а вы…

НОВАЦКИЙ. Пуня, ты не мог бы заглохнуть?

ПУНЯ. Выпал в осадок. (Выпадает в осадок.)

АРБИТР. «30-го сентября, при возвращении учащихся домой на теплоходе «Композитор Калинников», Демидов был вызван в каюту, где размещался «штаб», под тем предлогом, что Новацкий хочет извиниться перед ним. Однако вместо этого Демидов подвергся жестокому и длительному избиению, в котором принимали участие все обвиняемые. После этого, оставшись с Демидовым наедине, Новацкий и Шарапов, проявив исключительный цинизм, потребовали от Демидова действияй, унижающих его достоинство. Встретив решительный отказ, Новацкий и Шарапов вновь начали избивать Демидова, однако ему удалось вырваться и убежать…»

Слова об исключительном цинизме вызвали перешептывания в аудитории, споры, смешки.

ХАЛЯВИН. Безобразие! В конце концов, вы взрослые люди, без пяти минут руководители производства!

ПУНЯ. Каким же авторитетом вы будете пользоваться!

БРОНИН. Если не научитесь себя…

ЖЕРДЕВ. Вести.

ХАЛЯВИН. Прекратить разговоры!

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Как же все-таки трудно до них

достучаться! И ведь они не злые. Просто им скучно. Может, они соображают быстрей, чем мы говорим? Или то, что мы говорим, не требует обдумывания?

АРБИТР. «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики…»

Мгновенная тишина.

СТАРШИНОВ. Иногда требует.

АРБИТР. «Исследовав собранные доказательства, суд признал всех четверых обвиняемых виновными…»

Взрыв негодования (как это было на предварительном обсуждении происшедшего в техникуме).

ЖЕРДЕВ. Он сам виноват! Все подчинялись порядку, он один не хотел!

ВЕРА. Новацкого и ребят мы три года знаем, они всегда были честными и справедливыми!

ЖЕРДЕВ. Демидов и работу старался на других скинуть! Мы на поле норму еле выполняли, а он втихаря мешки с морковкой с соседних делянок на свою перетаскивал! Не было, скажешь?

АНДРЕЙ. Было.

ПУНЯ. А он и в техникуме такой! Попросишь содрать контрольную – соврет, что не решил. А потом у всех пары, а у него одного пятерка!

БРОНИН. И при этом хочет всем нравиться, сигареты раздает! Но его все равно никто не любил. А Новацкого и Конова все уважают, они не только о себе, о других думают!

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Мы зачем здесь собрались? Выгораживать хулиганов?

ВЕРА. Мы не выгораживаем. Мы их даже осуждаем, что руки распустили. Но тут еще нужно разобраться, кто виноват, что так получилось!

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Кто виноват? Вот интересно! Может, тот, кого избивали и издевательски называли макиварой?

АРБИТР. Что такое макивара?

АНДРЕЙ. Кожаный мешок с песком. Для отработки ударов в каратэ.

КОНОВ. Да, это я назвал его макиварой. Потому что он отказывался защищаться. Ты хуже макивары, ты просто трус!

АНДРЕЙ. Я не люблю драться. Кулаками можно доказать свою силу. Но не свою правоту.

НОВАЦКИЙ. В чем же твоя правота?! Слюнтяй несчастный! Здоровый бугай, двухпудовку двадцать раз жмет, а постоять за себя не может!

АНДРЕЙ. Двенадцать.

НОВАЦКИЙ. Что двенадцать?

АНДРЕЙ. Двухпудовку жму. Только двенадцать раз.

НОВАЦКИЙ. Врешь, сам говорил – двадцать!

АНДРЕЙ. Врал.

КОНОВ. Двадцать! Я сам видел!

АНДРЕЙ. Тебе показалось.

ЖЕРДЕВ. Двадцать!

ПУНЯ. Двадцать!

БРОНИН. Двадцать!

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Ничего не понимаю. Какая разница, сколько раз он выжимает эту дурацкую гирю?

СТАРШИНОВ. Очень большая. Двенадцать раз ее может выжать каждый, даже слабак. А двадцать – только сильный. Не так-то просто согласиться, что у всех на глазах избивали слабого.

ХАЛЯВИН (нервно). И на ваших глазах, между прочим, тоже!

СТАРШИНОВ. А я и не спорю.

ВЕРА. Вот кто знает! (Вытаскивает на середину Наташу.) Они в спортзале и познакомились, у них секции пересекались. Сколько?

НАТАША. Мне лучше уйти. Я вообще не из вашей группы. И я не хочу вставать ни на чью сторону.

ВЕРА. Тебя и не просят вставать на чью-то сторону. Тебе просят сказать, что ты видела.

НАТАША. Тридцать.

ПУНЯ. Врешь!

НАТАША. Мне все-таки лучше уйти. (Уходит.)

НОВАЦКИЙ. Слышали? Тридцать! Даже я меньше жму! Ты просто слизняк! Раз ему врежешь, сразу на колени, голову закрывает: «Ну почему все время меня? Ну побейте кого-нибудь другого!» Не было так?

АНДРЕЙ. Было. Только не совсем так. Вот как. (Бросается перед Новацким на пол, закрывает голову руками.) Не бейте! Миленькие! Я чмо, чмо!

НОВАЦКИЙ (бешено). Заткнись! Мразь!

АНДРЕЙ. Да, я мразь, мразь! Только не бейте! Хоть не ногами! Миленькие! Хоть не в живот!

НОВАЦКИЙ. Гад! (Рванулся к Андрею.)

Конов и Шарапов повисли на нем.

КОНОВ. Совсем спятил?!

НОВАЦКИЙ. Ненавижу! Давил бы таких! Ему в армию скоро, так я вам говорю: живым он оттуда не придет, там слизняков не любит!

Андрей поднимается с пола и возвращается на свое место.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Ты что это, Новацкий, болтаешь? Как это наш молодой человек не придется живым из армии? Думай, что говоришь!

ХАЛЯВИН. Из Советской армии, между прочим!

НОВАЦКИЙ. Ах, из Советской? А я-то думал, что его в японскую заберут. Раз в советскую, тогда, конечно, другое дело.

БРОНИН. Можно мне? Я, как и Андрей, не люблю драк. А все равно жалко ребят. Нормальные же пацаны! И главное – хотели как лучше.

ВЕРА. И не для себя как лучше, а для всех! Настоящий мужчина должен уметь за себя постоять. И за друга. И за подругу!

НОВАЦКИЙ. Нечего нас жалеть. Мы сами за все ответим. Только не нужно нам шить чего не было. Тут по городу пошли слухи, что мы создали профашистскую организацию. Да, у нас была дисциплина, построения, маршировка. Но было и кое-что поважнее!

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Что же?

НОВАЦКИЙ. Вам этого не понять.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Где уж нам!

НОВАЦКИЙ. Да? Вы в самом деле способны понять, что такое настоящее мужская дружба? Настоящее братство? Когда я часть всех, а все часть меня? Когда главное в жизни не девчонки, не пьянка и разное тряпье! Про отметки не говорю. Понимаете, когда мы в Таежный приехали, всем было все равно. На улице дождь, в доме грязь, да еще начали пропадать вещи и деньги. Тогда мы и создали штаб, распределили звания – по авторитету каждого, создали спецгруппу по наведению порядка.

КОНОВ. И защищали отряд от местных.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Это как раз нетрудно понять. А маршировка зачем?

НОВАЦКИЙ. Чтобы не забывалось, что мы – отряд. Я еще по «Зарнице» помню, как это здорово. Я хотел, чтобы все ребята это почувствовали.

ХАЛЯВИН. Под какие же песни вы маршировали?

НОВАЦКИЙ. Под разные.

КОНОВ. Под «Айсберг». Который Пугачева поет.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Как можно маршировать под «Айсберг»?

ПУНЯ. Очень здорово! (Марширует.) «А ты такой хо-лодный!..» Ать-два!.. «Как айсберг в оке-а-не!..» Стой! Раз-два! Вольно!.. Как показывает внимательное изучение истории, маршировать можно подо все.

ХАЛЯВИН. Под «Айсберг», значит? И все?

НОВАЦКИЙ. Нет. Мы маршировали и под Гимн Советского Союза. Да, под гимн. Во-первых, у нас не было песни, которую все знают. Поэтому мы заставили дневального встать в шесть утра, переписать по радио слова гимна и заставили всех выучить. А во-вторых, почему мы не можем петь гимн? Почему если «Айсберг» это нормально, а если гимн – так это уже кажется вам подозрительным? Если бы у нас была профашистская организация, мы бы не Гимн Советского Союза пели, это уж будьте уверены. Не нужно считать нас недоумками. Про фашизм – это мы проходили. У нас была только одна цель – навести порядок. И мы его навели.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. И все была довольны вашим порядком?

НОВАЦКИЙ. Мне неудобно вам это говорить, но все не могут быть довольны порядком. Главное, что он устраивал большинство. А об этом у ребят спросите.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Интересно послушать. Кто начнет? Бронин!

БРОНИН. А что? Нормально было.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Пуня? Ты, кстати, кем был?

ПУНЯ. Рядовым.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Нравился тебе порядок?

ПУНЯ. Я уже ответил. Я был рядовым. Если бы капитаном, он бы нравился мне больше. А полковником – так вообще.

АНДРЕЙ. А как тебя избили, поставили на колени и заставили

повторять, что ты чмо, – об этом предпочитаешь не помнить?

ПУНЯ. Если все помнить… Мало ли что бывает. Вот в этом вся разница между нами. Слишком ты себя любишь. Тебе смазали по физиономии – конец света! А если бы ты отнесся к этому нормально – ничего бы и не было.

АНДРЕЙ. Нормально – это как ты?

ПУНЯ. Нормальное – это как все!

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Кто еще хочет высказаться?

ЖЕРДЕВ. Тамара Викторовна, если бы большинство было недовольно, группа бы не стала их сейчас защищать. И у руководителя лагеря можете спросить. Игорь Иванович, у вас были к нам претензии?

ХАЛЯВИН. Я понятие не имел, что у вас там творится. Но в доме всегда была чисто и нормы на поле выполнялись.

НОВАЦКИЙ. Вот видите!

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Значит, их не судить надо, а

объявлять благодарность? Что ж, суд и определит, какую благодарность кому. Жердев, ты комсорг, веди собрание.

ЖЕРДЕВ. Тут такое дело. Поскольку возбуждено уголовное дело, нужно ребят исключить из комсомола. Кто «за», поднимите руки.

ВЕРА. Как исключить?

ЖЕРДЕВ. Очень просто. Такой порядок. Чего тянуть-то, все равно исключат! Кто «за»? (Поднимает руку, за ним все присутствующие.) Против, воздержавшихся нет?

АНДРЕЙ (поднимает руку). Я против.

ЖЕРДЕВ. Ты?!

АНДРЕЙ. Да, я.

ЖЕРДЕВ. Вот даже и тут ты противопоставляешь себя коллективу! Все равно: принято большинством.

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Можно спросить, почему ты против?

АНДРЕЙ. Потому что с ними я не хочу быть «за» ни в чем!..

ТАМАРА ВИКТОРОВНА. Подведем итоги. Первое: слухи, что в лагере была какая-то организация, тем более профашистская, чушь и ерунда. Все, надеюсь, с этим согласны? Второе: виновники хулиганских проявлений осуждены коллективом, в целом здоровым, о чем свидетельствует исключение хулиганов из комсомола. На этом закончим.

АРБИТР. «Суд постановил… назначить наказания: Новацкому – три года лишения свободы… Конову – два года

шесть месяцев… Чеботареву и Шарапову – по два года лишения свободы…»

Появляются МИЛИЦИОНЕРЫ, окружают осужденных.

ЧЕБОТЫАРЕВ (Новацкому). Это все ты! Все из-за тебя! Если бы не ты…

Взрыв голосов – как воспоминания о зале суда в момент оглашения приговора: «Сынок! Сыночка!..» «Мама! Мама!..» «Сыночек мой!..» «Мама! Мама!..»

Полная тишина.

АРБИТР. «Учитывая, что без первоначальных преступных действий Новацкого и Конова обвиняемые Чеботарев и Шарапов не встали бы на путь преступления, суд счел возможным применить к ним меру наказания, не связанную с лишением свободы: осудить условно…»

Милиционеры расступаются. Чеботарев и Шарапов исчезают в толпе сокурсников.

АРБИТР. «Принимая во внимание общественную опасность преступления и тот факт, что Новацкий и Конов в течение длительного времени глумились над потерпевшим…»

НОВАЦКИЙ. Мы не глумились! Мы хотели его воспитать, сделать из него настоящего мужчину!

АРБИТР. «…суд определил отбывание наказания: Новацкому – в воспитательно-трудовой колонии общего режима… Конову, к моменту совершения преступления достигшему совершеннолетия, в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Осужденные взяты под стражу в зале су-

да…»

Милиционеры уводят Новацкого и Конова. Дискотека возобновляется. Тамара Викторовна и Халявин уходят. Старшинов подходит к Андрею.

СТАРШИНОВ. Вот и все.

АНДРЕЙ. Нет.

АРБИТР. «Через пять месяцев краевой суд изменил приговор в стороны смягчения: назначил Новацкому и Конову те же наказания, но с отсрочкой исполнения приговора на один год. Потерпевший не воспользовался своим правом обжаловать решение. Приговор вступил в законную силу…»

АНДРЕЙ. Вот теперь все. (Вместе со Старшиновым уходит).

АРБИТР. «Новацкий и Конов были освобождены из мест заключения и вернулись домой…»

II

Дискотека разгорается с новой силой. Появляется НОВАЦКИЙ. Он в кепке, в светлом плаще. Молча смотрит на танцующих. Обычная дискотека. Но если ты пять месяцев просидел в лагере и только вчера вернулся домой, это зрелище не кажется обычным. Его заметили, замахали руками: «К нам, Серега!» Он снял кепку, скрывавшую короткую тюремную стрижку, сбросил плащ, обнаружив казенную куртку и брюки хэбэ, полученные в лагерной каптерке перед освобождением, и включился в танец. С прежним азартом. Но что-то уже было не прежним. Только ли одежда? А если бы он был одет, как все, разве не ощутил бы холодка отчуждения вокруг себя, разве не оказался бы очень скоро в полном одиночестве, как оказался теперь? Один, посреди пустоты. И оттого обычные па современного танца, исполняемые одиноким человеком в тюремной одежде, выглядели странно, почти зловеще.

Музыка смолкла.

НОВАЦКИЙ. В чем дело? Почему мы не веселимся?.. Неужели вы мне не рады?.. Это смущает? (Показывает на робу.) Могу снять. Но вы же все равно не забудете, где я провел последние пять месяцев и как я туда попал!.. Что произошло, люди? Мы же, действительно, хотели как лучше! Мы, дей-

ствительно, хотели создать разумный и справедливый порядок жизни – вместо бардака, где нами командовала разная пьянь!

Появляются ХАЛЯВИН и СТАРШИНОВ.

ХАЛЯВИН. Ты про кого это говоришь, Новацкий?

НОВАЦКИЙ. Про вас, Игорь Иванович.

СТАРШИНОВ. И про меня?

НОВАЦКИЙ. Вы-то, Семен Семенович, пьянь безобидная. А Лобзик – это вас, Игорь Иванович, мы любовно называли Лобзик – вы пьянь агрессивная. Мнящая о себе. Господи, да какой же идиот решил, что вы хоть кого-то чему-то можете научить! Хоть бы раз вы увидели, как утром выходите из дома: глаза белые, руки ходуном, а дых такой, что комары на лету дохнут! И он давал нам указания, читал нам мораль!

ХАЛЯВИН (Старшинову). У вас не появляется иногда ощущения, что они нас недостаточно уважают?

НОВАЦКИЙ. Что же произошло тогда, в Таежном? Ведь первый раз в жизни мы получили возможность жить так, как хотим, получили свободу! Вы только вдумайтесь: свободу! И чем кончилось?

СТАРШИНОВ. Свободу получить нельзя. Ее можно лишь…

НОВАЦКИЙ. Знаем, слышали! Добыть трудом. Обрести в бою.

СТАРШИНОВ. И трудом не добыть, это же не зарплата. И

не обрести в бою. Свободу можно только выстрадать. И если вы в самом деле хотите что-то понять, начинайте с начала. Вашу свободу вы просто купили. Если быть точным – за две бутылки водки. У начальника лагеря.

ХАЛЯВИН. Что это за намеки? Что у меня купили?

СТАРШИНОВ. Мы же говорим о сути, не о форме. Напомнить? Отбой был в 23 часа. А дискотека, которую устраивали по соседству студенты, кончалась заполночь. Понятно, что и наши толкались там до конца. (Показывает на пустые раскладушки).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.